

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Ксения ТЕРНОВЫХ (ШНЕЙДЕР), родилась 29 декабря 1996 года в г. Ульяновске. Лауреат областного литературного конкурса «Первая роса» в номинации «Поэзия» (2021).

РЯБИНОВЫЙ ДОМ

Жили мы как-то в одной квартире, и подъезд не сказать что уж большой, но и не то чтобы маленький. Все в подъезде друг друга знали, и у каждого была своя история. Всё это было лет двенадцать назад, когда ещё деревянные лавочки у подъезда никто не запрещал. Именно та лавочка у красного кирпичного дома с пятью подъездами была необычной, самой простой, без спинки и почему-то угловой. Там мы втроём с сёстрами ждали маму, когда собирались куда-нибудь, лавочка объединяла нас и жителей дома, поэтому и была она особенной для нас. Мама обычно выходила последней, в слегка затемнённых очках и лёгком шарфике, от которого пахло всегда весной и полевыми цветами.

Мама рассказала мне историю нашей соседки бабы Маши. Все знали маленькую, худощавую старушку. Волосы она прибирала в пучок, а на плечах носила большой цветастый платок или тёплую пуховую шаль. Такой шалью, помню, меня заворачивали в детстве, когда я болела, и мазали какой-то мазью, кажется, называли её тигровой. Так вот баба Маша до сих пор напоминает мне о том доме и лавочке под шелестящим зелёным вязом. Баба Маша всегда улыбалась, и улыбка освещала её отчётливые морщинки и глаза необыкновенного си-

него цвета. Её история уходила далеко в прошлое, в безжалостное время, и всё же её счастливые глаза иногда грустно, задумчиво смотрели вдаль, будто вглядывались в собственное детство, будто вся эта страшная картина снова всплывала в памяти. Она ненавидела мотоциклы, но не за рычащий звук, а за то, что они напоминали ей, как Вальку, сестру её чуть немцы не убили.

— Они пришли к нам во двор дома, где в селе мы жили, — вспоминала она, — а Валька как раз во двор вышла, а я дома сидела, пуговкой играла, которую мне мама день назад от своего платья оторвала и положила в кармашек... Четвёртый годик мне тогда шёл, кажется, я и не поняла тогда, что мама больше не вернётся. Всё в какой-то дымке было. Я помню, как от моей «игры» меня отвлёк рёв мотоцикла, гогот, непонятная речь... Они же, знаете, как собаки тявкают. Валька закричала, я услышала, как они стреляют и едут. Я начала плачем заходиться, так что дыхание перехватывало, к окошечку нашему маленькому подбежала, а там немцы на мотоциклах кружат по двору, Валька бежит, плачет, а они за ней и вот стреляют, то в землю, то в воздух, а Вальке страшно, и мне страшно. Потом они отстали, уехали. Валька вбежала в дом, а я там под

скамейкой сажу, плачу. Она, помню, обняла меня, да сама вроде виду показывать не хотела, да как разрыдается и уткнётся мне в шею. А я всё пуговку мамину... не разжимаю в кулачке... А как мы бежали под бомбёжкой, взрыв был, больно, уши болели, до сих пор иногда болят, осколки в меня попали, хоть и сестра укрывала. Ох, и живу я с осколком вот, один достали, а второй так и остался там, в голове, уж не вспомню, что случилось.

И сколько же видели эти глаза, в них так и застыло синее небо с истребителями, последний взгляд матери, деревянный домик и скамейка, только не такая, как у нас под деревом во дворе, а служившая укрытием от смерти, от горя, от слёз. Скамейка в их доме, от которого давно уже и следа нет.

Баба Маша любила угощать меня семечками, сыпала их мне в руку, а я шла по улице в холодный октябрьский день и жевала их с кожурой. Приехала недавно к матери в гости, нашла в шкафу свою старую куртку, сунула руку в карман. Думала, может, мелочёвка ещё с того времени завалялась, а там – семечки те самые, из рук бабы Маши, в кармане, так и лежали всё это время, семечки из рук старушки с синими глазами, которая рассказывала про войну. Нет уже той старушки, но эти семечки я бы хранила всю жизнь.

Антон Лазарев. Рябиновый дом

Хорошо было на нашем балкончике летом. Рябина высокая, раскидистая, ветками доставала до самого балкончика. Мы только летом его открывали, слегка покосившийся, с перилами в голубой потрескавшейся краске. С него можно было увидеть противоположную сторону двора: вон мальчик проезжает по луже на велосипеде, брызги разлетаются в стороны, а папа его идёт, о чем-то задумавшись, глядит по сторонам и вдыхает свежий летний воздух после дождя. Помню, после дождя почему-то пахло всегда печёными яблоками или сладкими пирогами, а двор был летом весь в зелени. Деревья никто не спиливал, даже окна не занавешивали днём, потому что по комнате разливался приятный, яркий, прозрачно-зелёный свет. Он попадал в чашки с чаем, на кресло со старым покрывалом, на пластмассовый жёлтый детский столик, заляпанный акварельной краской.

Раньше даже лето тянулось долго, особенно если случилось провести целый день дома. К вечеру, когда жара спадала, дедушка с первого этажа брал с собой радио на тонком ремешке и вешал его на шею, включал громко, обычно слушал какую-нибудь передачу и уходил в свой палисадник. И каждый вечер, когда дедушка с первого этажа выходил в свой маленький палисадник под балконом, мне казалось, что всё в порядке и всё хорошо. Никто не знал, что там росло на его огороде, вроде петрушка, укроп, лук зелёный. Но он очень бережно относился к этой зелени, жена рядом с этими кустиками поливала цветы: оранжевые, коричневые и фиолетовые, и всё в их маленьком саду было аккуратно. Из пенька он соорудил себе что-то похожее на трон, сидел, отдыхал, а потом прореживал грядки. И так мило и уютно было в том зелёном мире под балконом, что сбегались туда даже рыжие белки с длинными пушистыми хвостами, и никто из соседей не смел бросить окурок с балкона в дедушкин палисадник.

Выходишь из подъезда, а дедушка возвращается домой, радио что-то оживлённо рассказывает, болтаясь у него на огромном животе, а сам дедушка просто вздыхает и говорит: «Здрасьте, здрасьте...» Значит, всё в порядке и всё хорошо. Но всё же одной особе жутко не нравился этот дедушка с его вечно болтающим радио и этот палисадник под балконом с «бесполезной травой». У соседки Альбинки была крутая машина, её куда было ставить, и она давно уже требовала от администрации, чтобы «к чертям собачьим спили этот лес, и сделали комфортабельную автостоянку». Ей досаждала и наша большая шумная семья. Мы всё время бегали, что-то роняли на пол, а потом мне родители купили металлический гимнастический обруч, я учила сестру его вращать, а потом мы просто начали его катать по комнате, и он с грохотом падал на пол. Видимо, есть такие люди – они вздрагивают от каждого звука. Альбинка была из таких – она жила одна. Иногда мы слышали, как она ночью громко всхлипывает. Тогда я поняла, что лучше иметь большую семью, чем плакать одной, но с крутой машиной.

Но одиночество Альбинки скоро закончилось. Она вышла замуж за Тольку-министра. Так его за глаза прозвали жители дома. Анатолий был депутатом, и Альбинка этим очень гордилась. Навер-

ное, теперь он выплатит кредит за её автомобиль, и для неё будет организована комфортабельная автостоянка. Теперь Альбинка не будет всхлипывать по ночам, а Толька почувствует себя настоящим героем, сделав подарок возлюбленной. Со временем так и случилось. Конечно, не сразу, высокую рябину у нашего окна спилили, остальные деревья тоже. Дедушка больше не выходил в палисадник, белки больше не появлялись. Под окнами у нас выросла большая серая асфальтированная площадка. Хозяева оставляли там новенькие иномарки, да и родители тоже ставили там машину, но мы с мамой грустили, что потеряли наш маленький мир. Особенно я переживала за дедушку с первого этажа. Ведь палисадник был его отрадой, его отдушиной. Благо мы потом узнали, что у дедушки с бабушкой

была дача, а в палисадник они выходили тёплыми летними вечерами.

А вот к Тольке вернулся «кармический бумеранг» со всеми его последствиями. Чёрную блестящую «Янеку» жены он разбил, когда мчался на всей скорости по ночной Москве, чудом сам остался жив. Пришлось ему выплачивать кредит за уже несуществующий автомобиль. Тогда он напился, потому что Альбинка, видимо, требовала с него, чтобы он, наконец, нашёл хоть какую работу, а Толька всё пил и пил. Так и закончилась недолгая семейная жизнь Альбинки и Тольки и их история.

Но самое главное, что живут другие, настоящие, подлинные истории про дедушку из палисадника, про бабушку Машу и про нас. Про наше детство в рябиновом доме.

